

Антон, сразу уразумевший, в чём причина торопливости войскового старшины, резким движением выдернул из-под шинели форель — и в руки соседу по строю, а тот пустил её по второй шеренге, подальше от внимательных глаз начальника. Когда рыбина дошла до конца строя, вечный левофланговый казачок с весьма распространённой в станице Гундоровской фамилией Недомерков, причём, когда он не всегда усваивал премудрости военной науки, то его урядники, не стесняясь, Недомерковым называли, повёл себя очень смыслёно. Сделав несколько быстрых шагов в сторону ограды костела, он всучил не желающую угомониться форель вечно отирающемуся возле храма нищему.

- Добже, пан, добже, дзенькую, - пробормотал потрясённый такой небывалой щедростью попрошайка.

И смешок по строю:

- Вот счастье на Крещение привалило. Прямо как в сказке...

Успокаивало казачков лишь то, что всё равно оставалась рыбёшка помельче, рассованная по рукам.

Когда войсковой старшина до конца выразил своё недовольство по поводу плохой выправки казаков в строю и направился к полковому штабу, то казаки, уже подравнявшись и выпрямившись, зашагали быстро в свою казарму учебной команды. Замыкающий строй Недомерков вертанулся на каблуке — и к ограде костела, где обалдевший нищий всё пытался определить, что делать с большущей форелью. Не было у него ни дома, куда бы он мог принести эту рыбу, ни тем более печи, на которой её перед праздником можно было сварить или пожарить. Его умственные потуги были напрасными. Рыба тут же была вырвана из дрожащих рук бродяжки и буквально перелетела к Недомеркову:

- Всё, пан, дзенькую добже! Хрен тебе халява, подержал и хватит, нам и самим она нужна...

И с этими словами, пристроив несчастную, истерзанную колючими шинелями рыбку под мышку, он кинулся догонять свой строй.

В Крещенский вечер в нарушение устава добытую рыбу мастерски пожарили в казарме на отопительной печи и на большом листе оберточной бумаги, как на скатерти, разложили сверху на ломтях белого пшеничного хлеба. Уже дожаривался последний кусочек, да и не кусочек вовсе, а половинка хвоста, как на запах жарёхи, учуяв его своим длинным утиным носом, пришёл, крадучись, вахмистр Власов.

- Нарушаем?

- строго спросил их главный по службе в эти три месяца начальник.

- Господин вахмистр, по рыбе соскучились.

Власов, вдыхая ароматный, ни с чем не сравнимый рыбий дух, многозначительно им ответил:

- Мы тоже с урядниками скучаем. Только когда попробуете, вы убедитесь в том, что я вам ещё в поезде говорил. Не та рыбка, не та. Нет в ней духа нашего речного, как на Северском-то Донце.

И с этими словами он по-хозяйски положил в широкую лопастую ладонь три ломтя хлеба с самыми крупными кусками жареной рыбы и отправился с добычей в урядническую.

- Чтоб у него память отшибло, - про-

бурчал ему вслед расстроенный рыбной потерей Антон.

- Тише ты, хорошо, хоть он не раскричался! Тогда бы точно по наряду схлопотали!

- Да... Вот тебе и раскричался... Мы бы этой зря потраченной на урядников рыбёхой лучше б других земляков угостили. Они б не говорили, что рыба не такая...

Через два дня о крещенском происшествии оставалась только вспоминать. У молодых казаков опять возобновилась учёба.

Антону понравилось изучение уставов Российской императорской армии. Строгие слова, требовательные и чёткие предложения. Когда он читал уставы, ему всё время казалось, что написаны

В начале 1914 года по польским гарнизонам Российской армии пронёсся слух, что едет их инспектировать сам император Николай II. К инспекции стали усиленно готовиться.

Молодых казаков учебной команды уже начали ставить подчасками на посты полкового караула, а перед этим экзаменовали по знанию устава гарнизонной и караульной службы. Антон беспрестанно бубнил себе под нос фразы из этого устава.

- Параграф семьдесят седьмой: часовой должен стоять на посту бодро, ничем не отвлекаться от надзора за постом, не выпускать из рук и никому не отдавать своё оружие, за исключением того случая, когда получит на то личное повеление государя императора.



Кафедральный католический костёл г. Замосць (Польша).



Крещенская прорубь.



Форель на снегу.

они внимательными и мудрыми учителями, вроде таких как сотник Филипп Семёнович Исаев.

Неутомимый сотник не уставал повторять молодым казакам одну и ту же фразу, многозначительно поднимая вверх указательный палец:

- Уставы написаны кровью. И исполнять их нужно неукоснительно...

Зубоскал Дык-Дык вертел в руках увесистый том с уставами и всё повторял:

- Это ж сколько кровищи перевели на эту книженцию...

Всё. Наконец-то фраза въелась в мозги. Можно приступать к следующему параграфу, и Антон тихо шепчет Сергею Новоайдарскому:

- Представляешь, приедет сюда государь император, к тебе на пост придет и даст тебе какое-либо личное повеление!

Сергей, обалдевший от таких фантазий дружка, также тихо отвечает:

- Нет, не представляю и представить не могу!

Антон, размечтавшийся не на шутку, полдня после занятий по уставам думал-думал и до того додумался, что ночью ему приснился какой-то нелепый и донельзя напугавший его сон.

Ему привиделось, как будто сошедший с большого, в полный рост, портрета в офицерском собрании император

Николай II важно подходит к нему, гундоровскому казаку Антону Швечикову, стоящему на посту у полкового знамени, и говорит:

- Уставы, казак, знаешь?

- Знаю, а как же, ваше императорское величество, в учебной полковой команде учим.

- А раз знаешь, то слушай моё личное повеление. С поста шагом марш!

Антон отсчитал десять шагов. А император ему:

- Ну, иди, казак, ступай с богом!

- А кто на посту у полкового знамени будет?

- Я за тебя, казак, постою...

Антон заворочался, перебивая эту приснившуюся ему нелепицу, даже слегка потряс взлохмаченной головой. Затем снова нырнул в разгорячённую и взмокшую подушку. Настойчивый сон не желал отпустить Антона, и как только казак снова прикорнул, не замедлил сразу же вернуться к беспокойному сныщему, возвращая его в предыдущее видение.

Вот приеду я в хутор, снилось Антону, а как в хуторе спросят же:

- К вам в гарнизон царь приезжал? Ты царя видел?

- Видел.

- А об чём-нибудь его попросил?

- Нет, на посту ж стоял, какие просьбы?

- О земле надо было попросить, чтоб прирезку сделали из войскового запаса, чтоб в лес за Донцом на порубки пускали, чтоб ссуду земледельческую побольше давали. Эх ты, самого императора всея России видел и ни о чём не попросил! - не унимались настёрные хуторяне.

Антон им кричит:

- Попрошу, попрошу, дай бог его увидеть ещё раз.

С этим криком он и проснулся, а над ним уже стоял удивлённый вахмистр Власов.

- Ты, казак, кого и об чём решил попросить?

Ещё не отошедший ото сна Антон Швечиков пробормотал:

- Императора, о нуждах наших, казачьих...

Власов понял всё, видать, и сам когда-то во сне кого только и о чём не просил... Проворчал в усы:

- Иди сейчас пока по малой нужде — и на гимнастику. Просильщик...

Целый день ходил Антон под впечатлением от увиденного пугающе красочного и загадочного сна.

- А ведь правильно, всё мог попросить для хуторян, жаль, что не наяву...

Наяву была другая жизнь. Трудные занятия на плацу, кавалерийских полях, стрельбищах и полигонах. Казаком Антон Швечиков был по рождению, а ему во время службы предстояло стать настоящим воином. И он к этому стремился.

Сергей Сполах,
член Союза
писателей России

Примечание: Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

